

СОВРЕМЕННОКИ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Воспоминания о В. В. Маяковском

Публикация И. И. Аброскиной
Сборник материалов ЦГАЛИ СССР.
Встречи с прошлым. Выпуск 7.
Москва, "Советская Россия", 1990.
OCR Ловецкая Т. Ю.

"... пожалуйста, не сплетничайте".

"Я -- поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном -- только если это отстоялось словом".

Сколько людей, даже самых близких, нарушило это не однажды произнесенное требование Маяковского к современникам. И сегодня мы -- обратившись к воспоминаниям о поэте -- в их числе. Но хотим верить, что не обратим во зло те немногие из воспоминаний, которые приведем здесь.

Вспоминать о Маяковском стали буквально на другой день после его смерти. 15--17 апреля 1930 года номера газет "Правда", "Известия", "Комсомольская правда", "Литературная газета", посвященные памяти поэта, публиковали воспоминания о нем.

Встречались среди авторов и литературные фарисеи, ненавидевшие Маяковского при жизни и спешившие теперь расписаться в своей преданности и любви к нему. Но они чаще всего себя обнаруживали.

В ЦГАЛИ хранится около сотни воспоминаний как близких Маяковскому людей, так и просто его знакомых, многочисленных слушателей его лекций и поэтических выступлений. Среди авторов -- Д. Д. и М. Н. Бурлюки, В. В. Каменский, Н. Н. Асеев, А. Е. Крученых, Л. Ю. Брик, В. А. и Г. Д. Катанян, А. М. Родченко, С. И. Кирсанов, В. Б. Шкловский, Л. В. Никулин, Ю. К. Олеша, В. П. Катаев, К. Л. Зелинский, Н. С. Тихонов, Л. В. Кулешов, А. С. Хохлова и многие другие. Одни писали сразу после смерти Маяковского, другие -- десятилетиями позже. Большинство этих воспоминаний уже давно стало достоянием читателей, но есть и некоторые неопубликованные до сих пор.

Конечно, любые воспоминания -- это очень специфический источник информации, и рассчитывать на их полную беспристрастность, достоверность, точность и объективность приходится далеко не всегда. Авторам со временем может изменять память, им трудно, если не невозможно, освободиться от личных пристрастий и субъективности при самых объективных намерениях пишущего, наконец -- и это происходит чаще всего -- восприятие автора неадекватно изображаемым обстоятельствам.

Всего лишь два примера. 1 декабря 1915 года Маяковский делал доклад о футуризме. Л. Ю. Брик записала: "...перед публикой появился оратор. Он стал в позу и произнес слишком громко: "Милостивые государи и милостивые государыни", все улыбнулись. Володя выкрикнул несколько громящих фраз [...]. Сгоряча он не рассчитал, что соберутся друзья, что оратор не на кого и не за что, что придется делать доклад в небольшой комнате, а не агитировать на площади" (Альманах с Маяковским. М., 1934. С. 77). Горький вспоминает этот эпизод совсем иначе: "...Он глухо, торопливо и невнятно произнес несколько строк, махнул рукой, круто повернулся и скрылся..." (Бялик Б. О Горьком. М., 1947. С. 226).

Второй пример. В некоторых воспоминаниях говорится, что грузовик, на который был установлен гроб с телом Маяковского, вел М. Е. Кольцов. В то же время В. А. Катанян в беседе с автором этой публикации утверждал, что весь путь от улицы Воровского, где в здании Федерации объединений советских писателей шла гражданская панихида, до крематория они с Кольцовым шли рядом.

Но в то же время воспоминания можно сопоставлять друг с другом, с другими документами, в них -- разное видение личности поэта и в той или иной степени присутствует время, эпоха.

Может быть, то, что не "отстоялось словом" в биографии поэта, помогут нам понять его современники?

Из автобиографии Маяковского "Я сам": "Первый дом, воспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний -- наш. Нижний -- винный заводик. [...] Все это территория старой грузинской крепости под Багдадами".